

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА КУБАНИ В ОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1942-1943)

В настоящее время тиражируется мнение о том, что благодаря всемерной помощи оккупационных властей на территории СССР, в том числе на Кубани, открывались храмы и разрешались богослужения, что верующим людям была предоставлена полная религиозная свобода и возможность беспрепятственного духовного и социально-культурного развития в рамках нацистской государственной системы. Таким образом, выдвигается идея о том, что нацизм не только принес народам СССР религиозную свободу, но и по своей природе являлся идеологией, проповедовавшей веротерпимость и лояльное отношение к постулатам христианской религии, включая православие.

Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо, прежде всего, выяснить: какие конкретно идеи двигали вдохновителями и созидателями третьего Рейха, и какой именно мировой порядок они собирались установить после победы над своими врагами.

Итак, предпринимая нападение на СССР, нацисты рассчитывали, прежде всего, на активное использование религиозных чувств русского народа в достижении успеха своей политики на оккупированных территориях.

В приложении к указу шефа Верховного командования вермахта (ОКВ) Кейтеля от 19 мая 1941 г. говорилось следующее: «Большая часть русского населения, особенно обнищавшее от большевистской системы сельское население, внутренне отрицательно относится к большевизму. В небошевистских русских людях национальное сознание связано с глубоким религиозным чувством. Радость и благодарность за освобождение от большевизма часто будут находить выражение в церковной форме. Не следует препятствовать или мешать благодарственным богослужениям или процессиям» [1].

Справедливости ради, следует отметить, что к началу войны подавляющее большинство краев и областей СССР (а ведь среди сельского населения 2/3 являлись верующими) оказалось практически без действующих храмов, как это было на Кубани, где накануне войны действовало всего 7 православных приходов, причем четыре из них представляли собой обновленческую ересь, и только три, подчинялись Московскому Патриархату. Такое положение могло поддерживаться исключительно жесткими, репрессивными мерами, поэтому неудивительно, что на оккупированной территории произошел бурный всплеск религиозного сознания: «религиозное пробуждение было общим, массовым и стихийным. Народ, как в городах, так и в сельской местности... сам шел на открытие храмов, на их временный ремонт и украшение» [2].

В этих условиях естественным было проявление со стороны верующих чувства благодарности германским войскам, и первоначально часть населения действительно выражала это чувство. Но это происходило лишь в первые дни или недели, а затем становилось ясно, какую именно «свободу» нес народам СССР «новый порядок». По свидетельству очевидца, в ответ на приветствия части населения, один офицер вермахта честно сказал: «Погодите радоваться. За нами идут части СС, и тогда вы поймете, что мы никакие не освободители» [3].

Добавить к сказанному можно и то, что уже 16 августа 1941 г. вышел «оперативный приказ № 10», об отношении к церковному вопросу на занятых территориях Советского Союза, в котором отмечалось: «*О воссоздании прежней Патриархии Русской*

Церкви, не может быть и речи [курсив автора]. Особо следует следить за тем, чтобы не состоялось, прежде всего, никакого оформленного организационного слияния находящихся в стадии формирования церковных православных кругов. Расщепление на отдельные церковные группы, напротив желательно. Равным образом не надо препятствовать развитию сектантства на советско-русском пространстве...» [4].

Таким образом, мы видим, что, несмотря на внешне лояльное отношение к Русской Православной Церкви, а также пропаганду ее защиты от безбожной большевистской власти, в основе церковной политики германского Рейха лежало стремление максимально раздробить православную организацию в СССР на отдельные течения и конфессии, во избежание ее возможной консолидации на русских национальных началах, принципиально враждебных не только оккультно-языческой идеологии нацизма, но и его стремлению к мировому господству. Не следует, также, забывать, что Гитлер и его режим, установленный на временно оккупированной территории Советского Союза, являлись врагом не только Православной церкви, но и всего восточно-славянского мира, который нацисты, в соответствии со своей расовой теорией, признавали неполноценным.

Гитлеровское командование, в том числе и глава Рейхминистра занятых восточных территорий Альфред Розенберг, понимали, что Русская Православная церковь является носителем великорусской имперской идеи [5], и что ее возрождение и укрепление враждебно Третьему Рейху, однако этот факт не мешал нацистам эксплуатировать религиозную тему в своей идеологической работе и во всеуслышанье заявлять, что новый режим несет народам СССР религиозную свободу. При этом настойчиво «рекомендовалось» в проповедях и во время церковных церемоний выражать верноподданнические чувства по отношению к Адольфу Гитлеру и третьему рейху. Духовенство заставляли участвовать в праздновании годовщины начала войны; активно распространялась листовка-молитва: *«Адольф Гитлер, ты наш вождь. Имя твое наводит трепет на врагов. Да придет третья империя твоя. И да осуществиться воля твоя на земле...»* [6].

А может быть, действительно, нацизм нес русскому народу, задавленному безбожной властью, религиозную свободу? Ответить на этот вопрос, нам поможет Альфред Розенберг – главный идеолог и философ нацизма, пламенный ревнитель расовой теории и восторженный певец превосходства «германской крови», а также – автор объемистой книги под названием «Миф XX века», которая, наряду с «Майн Кампф» Гитлера, стала бестселлером Третьего Рейха. Откроем его книгу. Вот что пишет этот создатель «германской религии будущего»:

«Христианский крест [и, надо думать, сам Христос. – А.Б.] должен быть изгнан из всех церквей, соборов и часовен, и должен быть заменен единственным символом – свастикой... Те, которые его созерцают, думают о народной чести, о жизненном пространстве, о национальной свободе и социальной справедливости, о жизнеобновляющем плодородии».

И дальше: «Старая иудейско-сирийская церковность сама себя развенчивает... Не жертвенный агнец иудейских пророчеств, не Распятый есть теперь действительный идеал, который светит нам из Евангелий. А если Он не может светить, то и Евангелия умерли...». «Идеал любви к ближнему должен быть безусловно подчинен идее национальной чести». «В интересах... церкви было выставить подчиняющееся смирение как сущность Христа, чтобы получить возможно больше слуг, воспитанных согласно этому идеалу.

Исправить это изображение есть дальнейшее неотложное требование немецкого движения к обновлению».

Взамен «устаревшего» христианства Розенберг предлагает веру, «воплощенную в яснейшее знание, что северная кровь представляет собой то таинство, которое заменило и преодолело все древние таинства...». И, наконец: «Бог, которого мы почитаем, не существовал бы, если бы не существовала наша душа и наша кровь... Поэтому является делом нашей религии, нашего права, нашего государства все, что защищает, укрепляет, пронизывает честь и свободу нашей души» [7].

Что же прорывается наружу в этих словах? Ни что иное, как самообожающая гордыня – духовный идол нацизма, в жертву которому приносится все – милосердие, сострадание, любовь, совесть и справедливость. Неужели кто-то всерьез может предположить, что победа в войне и завоевание мира отрезвили бы этих людей, заставили бы их коренным образом пересмотреть свои взгляды, вернуться к христианским идеалам любви, смирения и кротости, которые проповедовали православные монахи и отшельники? Или же, воссев над всеми царствами мира, они бы вдруг раскаялись в том, что сделали? Увы, надеяться на это бессмысленно. Закат Европы состоялся...

Конечно, среди рядовых нацистов, а также солдат и офицеров Вермахта, замороженных псевдопатриотической риторикой своих лидеров, мало кто сознавал, какому «богу» они служат. Кто-то из простых солдат и офицеров действительно с уважением смотрел на православных батюшек, даже брал у них благословение, помогал открывать и украшать храмы, раздавал детям хлеб и шоколад, но суть дела от этого не меняется, ведь если бы нацизм все же победил, то у нас, в конечном итоге, не было бы ни Церкви, ни Родины, и об этом нам, кроме многих и многих миллионов замученных и убитых, напоминают еще и 214 детских душ, вывезенных из детского дома города Ейска и безжалостно умерщвленных нацистскими «сверхчеловеками» [8].

А теперь, после небольшого экскурса по идеологическим постулатам Третьего Рейха, вернемся к нашей работе. Итак, мы видим, что все это «доброе» и «уважительное» отношение к религии со стороны нацистского руководства имело исключительно прагматические и пропагандистские цели.

В пропагандистских же целях совершались и провокации, имевшие целью вызвать ненависть населения к советскому правительству и советской армии. Пример такой провокации произошел в г. Новороссийске. Ранним утром 25 апреля 1943 года, в первый день Пасхи, во время богослужения был произведен артиллерийский обстрел двух городских церквей Кладбищенской и Стандартской (Во имя иконы Божьей Матери «Всех Скорбящих Радосте», расположенной на «Стандарте»). По сообщениям очевидцев, в Кладбищенской церкви снаряд пробил купол, упал в Царские Врата и тяжело ранил священника. Люди, охваченные ужасом, рвались к выходу, давили и душили друг друга, а когда выбегали из церкви во двор, то попадали под град осколков. Всего в это утро по одной лишь Кладбищенской церкви было убито и ранено более сорока человек. Незадолго перед началом обстрела очевидцы видели у входа в церковь двух гитлеровцев. После начала обстрела они посмотрели на часы и поспешно удалились. Очевидец Водичко сообщила по этому поводу следующие соображения: «Разрывы снарядов русской артиллерии имеют своеобразие шума, точно также это своеобразие имеют и немецкие снаряды, как при падении, так и при разрыве. Мы, новороссийцы, достаточно научились отличать русские снаряды от немецких. Когда начался обстрел, я, еще ничего не зная, заявила сво-

ему отцу Водичко Вячеславу Иосифовичу о том, что по городу стреляют немцы. Церковь получила большие повреждения с юго-западной стороны, а с этого направления русские не стреляли. Стрельба русскими велась со стороны Кабардинки и, как правило, из дальнобойных орудий.

Трудно поверить, чтобы советским артиллеристам было известно точное время сбора населения в церковь. Если это и было так, то они не могли не знать, когда сами немцы справляли этот праздник. Между тем они этот праздник встречали только в субботу под воскресенье, а в момент сбора горожан в церквях ни одного немца там не было. Их не было даже и поблизости от расположения церквей». А вот что по этому поводу сообщила очевидец Капустина: «Первое – разрывавшиеся во дворе церкви снаряды были малого калибра, какими советские войска обычно по городу не стреляли; второе – разрывы снарядов происходили почти одновременно с выстрелами, что указывало на короткое расстояние от места выстрелов до падения снарядов; третье – стрельба по церкви производилась с трех сторон города: восточной, южной и юго-западной, чего обычно до этого случая не наблюдалось при обстреле советской артиллерии». Известно также, что гитлеровцы по этому поводу выпустили специальные листовки и статьи в газетах «Утро Кавказа», «Над Кубанью» и др., пытаясь привить у горожан ненависть к советским войнам, называя их безбожниками, душегубами и варварами [9].

Тем, кто говорит о «религиозной свободе», которую якобы несли гитлеровцы русскому народу, нелишним будет напомнить и то, как оккупационные власти пытались вмешиваться в ход проведения богослужений, как они, подобно действиям советских властей в 1920-е годы, пытались ввести новый (григорианский) стиль, что вызывало активное сопротивление верующих, как органы германской контрразведки нередко пытались использовать в своих целях православное духовенство, хотя желаемого результата это не принесло. Однако по-настоящему обнажилось лицо гитлеровского нацизма и открылось его истинное отношение к Православной церкви перед отступлением из оккупированных областей, вот тут-то и началось массовое сжигание и разграбление храмов, вплоть до снятия колоколов, депортация и убийство священнослужителей, осквернение святынь.

В отчете председателя Краснодарской краевой Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников П.И. Селезнева (1897-1949) от 25.05.1944 имеются следующие сведения:

«В селе Калинино Пашковского района церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы гитлеровцы превратили в баз, т.е. загонный двор для лошадей; в селе Белом Усть-Лабинского района церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы была превращена в конюшню, загажена и разрушена; в городе Анапе Онуфриевский собор служил складом для боеприпасов, а затем, незадолго до бегства гитлеровцев с Кубани, - барак для заразно-больных военнопленных; в станице Белореченской молитвенный дом во имя Успения Пресвятой Богородицы в праздник Рождества Христова был превращен в кинотеатр, и когда верующие пришли к богослужению, то увидели свой храм оскверненным пьяными солдатами, которые к тому же танцевали и курили.

В станице Гостагаевской церковь превратили в кинотеатр, а затем в склад боеприпасов. Отступая, немцы хотели сжечь храм, но были лишены этой возможности из-за налета советской авиации. В хуторе Тиховском Ильинский молитвенный дом немцы совершенно разграбили: вывезли церковные ценности (чаши, облачения, ковры) и прочее

имущество, глумились над иконами: стреляли в изображения святых, рубили их шашками и жгли. В станице Ивановской одноименного района церковь превратили в застенки гестапо, где убивали военнопленных и мирных граждан, о чем свидетельствовали трупы расстрелянных и замученных людей. В станице Сергиевской Гиагинского района Покровский молитвенный дом превратили в тюрьму для пересыльных военнопленных.

Из протокола опроса свидетеля, священника Маляровского Валериана Степановича, 1893 года рождения, уроженца села Тислянского ныне Челябинской области, настоятеля Рождества-Богородицкой церкви ст. Воронежской Усть-Лабинского района Краснодарского края, становится известным следующее (приводим документ полностью):

30 января 1943 г. группа немецких конвоиров, с участием местной полиции в лице полицейского Субачева, потребовали от меня немедленного открытия церковного здания для помещения там военнопленных. На мой отказ предоставить церковь для указанной цели немецкие захватчики и полицейский Субачев ответили взломом дверных запоров в церкви и насильственным вторжением в нее. За содействием о пресечении данного насилия я обратился к немецкому военному коменданту (фамилию его не знаю) и к атаману ст. Воронежской Дьяконову. Тот и другой в содействии категорически отказали, комендант без объяснения причины, а атаман – «по стратегическим соображениям».

Немецкие захватчики поместили в церкви до 1000 человек советских военнопленных, а в сторожке конвоиров, выселив оттуда семью мою и не допустив нас предварительно взять из церкви и сторожки все предметы, ценности. В результате такого насилия оказалось уничтоженным и разграбленным все церковное имущество и ценности. Сумма убытков специальной следственной комиссией тщательно подсчитана и определена специальным актом об убытках по самым скромным подсчетам в размере 2. 535 тысяч рублей, по установленным для данного предмета государственным ценам. Экземпляр акта своевременно был представлен РИКу, где и зарегистрирован в списке актов учета ущерба за № 52 от 23 июля 1943 г.

С другой стороны, насильственное водворение в громадное каменное здание, с таким же полом, тысячи измученных полуголодных, почти буквально раздетых и разутых пленников, при морозах более 20 градусов, при полном отсутствии каких-либо отопительных приборов, привело к тому, что церковь сделалась местом мучительной смерти от голода, холода и побоев 940 человек несчастных страдальцев. Стоны умирающих и крики о помощи непрерывном гулом день и ночь неслись из церкви, но мы – мирные люди станицы не в состоянии были помочь, так как приближение к церкви для нас было категорически запрещено под страхом расстрела. Не удивительно, поэтому, что, видя мучительную смерть пленных, буквально все те из жителей станицы, у кого на войне находятся дети, мужья и отцы, с полной искренностью заявили, что пусть лучше их воины примут героическую смерть на фронте в бою против фашистов, но не попадут к ним в плен на такие мучения».

И этот перечень фактов далеко не полон. В целом, материальный ущерб, нанесенный православной церкви в Краснодарском крае, всего за полгода оккупации составил 15 миллионов рублей» [10].

За что же мстили гитлеровцы Русской церкви? За то, что открывавшиеся храмы превращались в центры пробуждения русского национального самосознания и глубоких патриотических чувств, способствовали возрождению русской идеи, чуждой человеконенавистнической идеологии нацизма, ведь только на Кубани, по документальным мате-

риалам, собранным Краснодарской краевой комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в крае были убиты и замучены оккупантами и их пособниками 61 540 человек, из них более 58 тысяч жертв опознать не удалось – погибшие были либо обезображены, либо вывезены в места казни из других населенных пунктов. За период оккупации с территории края насильственно угнаны 130 521 человек, в том числе 81 089 женщин и 38 022 детей в возрасте до 16 лет [11].

Очень емко и точно высказался по этому вопросу, современный религиозный мыслитель, представитель православной церковной иерархии, ныне почивший в Бозе, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев). Он говорил: «...страшный опыт фашизма дает наглядный пример того, какую жуткую разрушительную энергию несут в себе бездуховные антихристианские мировоззрения даже тогда, когда они прикрываются религиозно-национальными идеями. В этом случае, избегая прямых богоборческих выпадов, они с еще большей ловкостью скрывают свою гибельную сущность под слоем социальной и философской демагогии, освящая «свыше» путь, «иже мнится чело-векам прав быти», - по слову Священного Писания (Притч. 14.12.), но, - «последняя же его приходят на дно ада». И люди творят зло, сеют ненависть и беспощадно уничтожают ближних, в полной уверенности, что они сражаются на стороне Бога.

Этот урок нам необходимо усвоить, ибо он напоминает нам о соблазне искажения национального самосознания и ужасных результатах, к которым этот соблазн приводит. Такое знание мы обильно оплатили русской кровью, и не дай Бог, чтобы эта цена оказалась напрасной» [12].

Таким образом, мы видим, что опасность погружения в бездну национальной гордыни и связанная с ней мифологизация исторических событий, в том числе событий, связанных с историей Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., реальна и в наши дни. Ведь даже сегодня, через 70 лет после Великой Победы 1945 года, мы наблюдаем как те или иные государственные и политические деятели не только заново переписывают историю, заявляя о том, что СССР «оккупировал Украину и Германию» но и посредством вооруженного диктата навязывают свою волю другим государствам и народам, не только отнимая у них право на самоопределение, но и лишая любой возможности самостоятельного развития, не только духовного, но и социально-политического.

Не так ли это происходит теперь на Украине, где под давлением США произошел государственный переворот, в результате которого пропаганда нацистско-бандеровских идей и проевропейского цивилизационного выбора была возведена в ранг государственной политики, в то время как жителям Юго-Востока Украины (Донбасса) было полностью отказано в праве самоопределения и такого же свободного цивилизационного выбора в пользу Русского мира?

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ:

1. Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. Санкт-Петербург, 2005. С. 140.
2. Записки миссионера о жизни в советской России // Вестник РХД. 1956. № 40. С. 35.
3. Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. С. 144.
4. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 500. Оп. 5. Д. 3. Л. 62-65 // Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. С. 140.

5. Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. С. 150.
6. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 500. Оп. 5. Д. 3. Л. 62-65 // Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. С. 140.
7. Цит. по книге: Митрополит Иоанн (Снычев). Русская симфония. Очерки русской историософии. Санкт-Петербург, 2004. С. 297.
8. ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (далее ГАКК.) Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 2. Л. 6-40.
9. ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1. Т. 2. Л. 230-232.
10. ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 11. Л. 7-9; Д. 2. Л. 191-а, 192-об.
11. Кубань, опаленная войной (о жертвах и злодеяниях гитлеровских захватчиков на территории Краснодарского края, временно оккупированного в 1942-1943 гг.). Краснодар, 2005.
12. Митрополит Иоанн (Снычев). Русская симфония. Очерки русской историософии. Санкт-Петербург, 2004. С. 298-299.

Информация об авторе: Ф.И.О.: Бабич Александр Владимирович, место работы, занимаемая должность: ГКУ Краснодарского края «Государственный архив Краснодарского края», главный специалист отдела информационно-поисковых систем и использования архивных документов, проживающий по адресу (с индексом): Янковского ул., д. 68, кв. 11, г. Краснодар, 350019, телефон 8-918-4919139, E-mail: oiad_gakk@mail.ru

Международная научная конференция «Ялта-45. Крымская конференция 1945 г. в контексте «Острых» вопросов окончания второй мировой войны и начала войны «холодной» в г. Ялте (Республика Крым), проводилась 18 марта 2015 г. в г. Симферополе. Организатор Российское общество историков-архивистов (г. Москва).